

ФОРМА САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА

Статья посвящается деятельности преподавателя университета как процессу текстопорождения, в котором участвуют субъекты открытого диалога.

Ключевые слова: самореализация, академизм, диалог, текстопорождение.

Сегодня достаточно часто используют категорию текст не в узколингвистическом, а в широком семиотическом смысле как обозначение многосоставной знаковой системы. В настоящее время много пишут о городском тексте, о культурном тексте эпохи, о кинотексте и т. д. Составляющими такого широкого текста выступают самые различные смысловые элементы (идеологемы, мифологемы, символы, образы, предметные реалии, интертекстуальные привнесения). Сейчас возникает интерес к интеграции различных областей гуманитарного знания. Текст как категория в таком случае является удобной площадкой, на которой можно вести продуктивный диалог с гуманитариями различного профиля.

В декабре 2009 г./ ярославский ученый-культуролог Татьяна Иосифовна Ерохина успешно защитила докторскую диссертацию на весьма актуальную тему «Личность и текст в культуре русского символизма» [1]. Оригинальность исследовательского курса, избранного Т.И. Ерохиной и обеспечивающего серьезную научную новизну всей работы, заключается в том, что ученый рассматривает личность символиста как многокомпонентный текст. Такой подход вполне оправдан. Категория «текст личности», становящаяся ключевой в диссертации, на наш взгляд, не избыточна, она не подменяет собой такую категорию, как «внутренний мир личности», а активно дополняет ее. Если внутренний мир творца сохраняет свою неразгаданную тайну, включает скрытые смыслы и поведенческие мотивы, то текст личности – это то, что личность открыто предьявляет миру, манифестируя и собственно произведениями, и творческим поведением, и включенностью в повседневную культурную жизнь (в пространство артистического быта, художественной богемы) те принципиально важные для художника знаковые величины, те ценностные приоритеты, которые внешний наблюдатель может совершенно адекватно выявить, обнаружить, «считать». У текста личности всегда может быть свой внимательный реципиент. Этот синтез вербальных и невербальных средств создания текста личности рождает новый тип художника в XX столетии. Не случайно в начале XX века писатель Е. Замятин написал свою известную статью «О синтетизме». Рожденное в стародавние эпохи древнего синкретизма искусство, пройдя многовековыми автономными путями специализации, вернулось к идее слиянности, нового синтеза как к вполне осознанной творческой установке. И новое качество текста личности, о котором убедительно пишет Т.И. Ерохи-

* © Голубков С.А., Конев В.А., 2012

Голубков Сергей Алексеевич (golubkovsa@yandex.ru), кафедра русской и зарубежной литературы Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Конев Владимир Александрович (vakonev37@mail.ru), кафедра философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

на, было свидетельством продуктивности таких общих устремлений. Искусство в начале XX века становится многомерным коммуникативным актом, предполагающим творческий диалог с помощью богатого набора культурных кодов. Эти коды составили свою достаточно сложную иерархию в культуре русского символизма, образовали некую «площадку» судьбоносной встречи множественных культурных эпох, традиций, верований, философских и мистических исканий, разнообразных художественных языков.

Все эти рассуждения могут быть экстраполированы на такую сложную область, как сфера современного вузовского преподавания. Да, университетский преподаватель имеет свой внутренний мир, возможно, еще не до конца реализованный, но включающий богатый спектр продуктивных потенций. Этот внутренний мир базируется на фундаменте полученных и постоянно пополняемых знаний, собственных настойчивых научных разысканий, ценных советов наставников; на впечатлениях от ежедневной творческой коммуникации со студенческой средой. Но та часть внутреннего мира, которая эксплицируется всей совокупностью произнесенных слов (во время лекции, экзамена, научного доклада, частной беседы), написанных слов (в научных статьях, рецензиях, оппонентских отзывах, публицистике, даже частных письмах ученикам), элементами бытового каждодневного поведения (жестами, поступками, эмоциональными реакциями), «эта часть внутреннего мира неизбежно становится чрезвычайно значимым текстом личности преподавателя, который и остается памятным многим поколениям студентов, по которому и судят о вузовском ученом и степени его судьбоносного влияния на учеников.

У каждого вузовского педагога с годами неизбежно складывается свой стиль чтения лекций. Есть лекции, напоминающие сокровенные монологи, почти исповедальные по своей пронзительной интонации. Есть лекции-проповеди, порой исполненные нарочитого нравственного дидактизма. Иные граничат с эффектным эстрадным выступлением. Вспоминаю лекции по общему языкознанию профессора Д.И. Алексеева (в бытность мою студентом он еще был доцентом). Дмитрий Иванович во время лекций неторопливо размышлял, радушно приглашая к этому увлекательному интеллектуальному процессу заинтересованную студенческую аудиторию. Создавалось впечатление, что преподаватель не боится сделать свою творческую лабораторию очевидной, открытой для стороннего наблюдателя. Иногда он лукаво улыбался (очень памятна эта доброжелательная и хитроватая усмешечка!) какому-то внутреннему ходу мысли, порой специально неожиданно останавливался, чтобы лучше запомнилась последняя произнесенная им фраза. Дмитрий Иванович никогда не рисовался, не кокетничал перед своими молодыми слушателями. Он как будто вообще не заботился о том впечатлении, которое он производит на студентов. Но именно это равнодушное отношение к внешним эффектам, сочетавшееся с подлинным профессионализмом, и привлекало к нему будущих филологов. Основательность и научная добросовестность его были всем настолько очевидны, что пройти мимо такого неординарного явления вдумчивому студенту было попросту невозможно. И он, тогдашний студент, заполняя бесконечными конспектами очередную общую тетрадь, вдруг неожиданно понимал весь сложный драматизм истории лингвистических школ, осознавал красоту и изящество теоретических языковедческих построений [2].

Ю.М. Лотман в статье «Декабрист в повседневной жизни» [3] и других работах, используя продуктивные возможности семиотических исследовательских технологий, настойчиво размышлял о бытовом поведении декабристов и использовал такую категорию, как «поведенческий текст». Это более крупная единица, чем отдельный жест или поступок. Перед нами, скорее, целый многокомпонентный и иерархически выстроенный комплекс таких жестов, поступков, эмоциональных реакций на происходя-

шее. И это комплекс, который, формируясь по законам текста, становится концептуально целостным, значимым посланием к современникам. У такого текста есть свой реципиент, тот, кто будет прилежно считывать заложенные в нем смыслы.

Практика университетского преподавания показывает, что подлинный ученый, искренне преданный своему делу, обязательно будет воздействовать на своих коллег и учеников не эпизодическими высказываниями, не отдельными дискурсивными опытами (лекции, доклады, статьи), а именно всем поведенческим текстом, выступающим формой самореализации личности. И тем сильнее эффект воздействия незаурядного педагога на окружающих.

Вспомним профессора С.З. Агранович (1944–2005), ставшую яркой легендой филологического факультета СамГУ. Софья Залмановна жила единственно литературоведческими интересами, своим научным творчеством. Судьба обделила ее многим – собственной семьей, надежным здоровьем. Но судьба же наделила ее двумя замечательными дарами – даром неожиданных, остроумных, продуктивных профессиональных озарений и даром широкого приятельства, щедрой дружбы. Первый дар заполнял все ее существо, не зная «перерывов на обед» и «выходных». Находясь под влиянием новой идеи, нового интеллектуального построения, Софья Залмановна, или, как многие ее звали просто, Соня, могла по телефону или при личной встрече долго-долго излагать содержание сложившейся в ее сознании новой главы книги. Излагать увлеченно, эмоционально, развернуто, с обилием детальных примеров и убедительных доказательств. И сама Соня, попыхивая сигаретой в телефонную трубку (это было отчетливо слышно), получала немалое удовольствие от собственного изложения. Понятно, почему – научный текст хорошо складывался, постепенно выстраивался, обрастал подробностями. Она многократно проверяла надежность этого текста на очередном слушателе. И ее собеседник вовлекался в творческий процесс, заражался страстью к интеллектуальному поиску. В какие академические формы введешь такие беседы? Что это – лекция? Доклад? Спич? А это и был многомерный поведенческий текст, становившийся каналом универсальной коммуникативной связи между собеседниками.

Вузовский преподаватель, читая академически выверенный историко-литературный курс, неизбежно делится со студентами своим миропониманием, мироощущением, мироотношением. На последнее хотелось бы обратить особое внимание. Студенты усваивают ведь не только сам предмет как массив определенной информации, но и этико-психологическое, эмоциональное отношение лектора к предмету. Это отношение чаще всего базируется на неподдельной любви к анализируемым литературным произведениям, на уважении к авторитетам упоминаемых ученых-филологов. Уважении к личности автора, к слову, таящему в своих имплицитных глубинах бездны правдивых смыслов, к тем ценностям, которые были востребованы конкретной историко-литературной эпохой.

Вспомним еще одного человека, бесконечно дорогого коллегам-филологам и многим поколениям студентов. Я имею в виду профессора Владислава Петровича Скобелева (1930–2004). Информация переполняла этого любознательного и талантливого человека, бурно плескалась через край. Любая фраза в разговоре могла стать самостоятельной темой его обширного исторического, искусствоведческого комментария. Таких людей часто называют «ходячей энциклопедией». Причем, давать такие развернутые, оснащенные множеством фактов, академически солидные справки было для него подлинным удовольствием. Он любил делиться своим знанием с собеседником и рад был малейшему случаю, когда это становилось возможным. И эта готовность буквально «расточать» свою эрудицию не была какой-то внешней кичливостью, бравадой, щегольством, саморекламой или еще чем-то подобным. Владислав Петрович

совершенно искренне не желал себе судьбы некоего «скупого рыцаря», который, обретаясь в унылом одиночестве у виртуальных сундуков своей феноменальной памяти, эгоистично наслаждается драгоценными россыпями накопленного за долгие годы. Владислав Петрович обладал полным набором черт подлинной интеллигентности и высокой культуры ученого — он любил приобретать новое знание, бережно хранить его и лелеять и затем щедро раздавать его окружающим.

Принципиальным можно считать и то, что Владислав Петрович был человеком «неготового» знания. Он стремился быть максимально независимым от сложившихся формул, устоявшихся стереотипов. Мышление, как известно, процессуально. Любой факт, даже очень известный, может вдруг неожиданно засветиться в новом разговоре совершенно неожиданными красками, повернуться интересными гранями, ведь изменился контекст, конкретная ситуация, духовный мир говорящего. Подлинное знание всегда имеет незавершенный характер. Только очень ограниченный человек, претендуя на демонстрацию показной мудрости, изрекает готовые сентенции. А подлинная мысль рождается воистину в муках, в атмосфере непреходящего сомнения, некоторой внутренней неуверенности, выкристаллизовывается из первородной хляби хаотических первоначальных импульсов и интуитивных озарений. Мысль Владислава Петровича всегда напряженно пульсировала, искала новый поворот, маршрут новых интеллектуальных «приключений». Владислав Петрович был нов, неожиданен, а потому интересен. Он не позволял себе ментальных «остановок», его мысль всегда была в пути. И уже этим он был надежно застрахован от самоповторения [4].

Подлинно новаторское университетское преподавание — это живой, порой непредсказуемый процесс многомерного текстопорождения, который происходит здесь и сейчас и в котором одновременно и равноправно участвуют все заинтересованные субъекты профессионального открытого диалога.

Библиографический список

1. Ерохина Т.И. Личность и текст в культуре русского символизма: научная монография. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д.Ушинского, 2009. 330 с.
2. Дмитрий Иванович Алексеев: мемориальное издание, посвященное 90-летию со дня рождения проф. Д.И. Алексеева и 40-летию кафедры русского языка / сост.: Е.С. Скобликова, Л.И. Бордунова, Л.Г. Кочедыков; отв. ред. Е.С. Скобликова. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2009.
3. Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристо: сб. / под ред. В.Г. Базанова и В.Э. Вацура. Л.: Наука, 1975. С. 25–74.
4. Человек-праздник. Владислав Петрович Скобелев: страницы жизни / сост. С.А. Голубков, Л.Е. Кройчик, М.А. Перепелкин. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2009. 294 с.

*S.A. Golubkov, V.A. Konev****THE FORM OF SELF-REALIZATION OF PERSONALITY OF A LECTURER**

The article is devoted to the activity of the lecturer as to the process of creating of texts, in which the subjects of an open dialogue take part.

Key words: self-realization, academism, dialog, creating of texts.

* *Golubkov Sergey Alexeevich* (golubkovsa@yandex.ru), the Dept. of Russian and Foreign Literature, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.
Konev Vladimir Alexandrovich (vakonev37@mail.ru), the Dept. of Philosophy of Humanitarian Faculties, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.